

Расспросив солдат во дворе, Ань Чанцин узнал, что Сяо Чжигэ ушел в спальню. Спальня находилась всего в двух комнатах от купальни. Направившись туда, Ань Чанцин увидал, что Сяо Чжигэ уже снял доспехи и, расстегнув верхнюю одежду, стоял спиной к двери, занятый каким-то делом.

— Князь? — недоуменно окликнул его Ань Чанцин.

Сяо Чжигэ быстро запахнул одежду и как ни в чем не бывало повернулся к нему:

— Так быстро искупался? Кашу из кухни еще не принесли.

— Что у тебя с плечом? — Ань Чанцин заметил проступившие на ткани пятна крови. Насупившись, он стремительно подошел к нему и попытался распахнуть его одежду.

Сяо Чжигэ перехватил его за запястье:

— Не смотри, это лишь царапина.

— Дай мне посмотреть, — упрямо выпрямился Ань Чанцин, не отводя взгляда.

Сяо Чжигэ не смог переупрямить его. Вздыхнув, он наконец отпустил его руку:

— Серьезной раны нет, не бойся.

Ань Чанцин осторожно раздвинул края его одежды и увидал длинную рану шириной в ладонь, тянущуюся от левого плеча до самой груди. Рваные края плоти разошлись, в глубине белела кость. Будь рана хоть немного длиннее, она задела бы сердце.

— Почему ты не показался врачу? — Ань Чанцин изо всех сил стиснул зубы, сдерживая подступившие к глазам слезы.

— Врач меня осмотрел, — сказал Сяо Чжигэ. — Это просто рана на коже и плоти, выглядит жутко, но кости и жилы не задеты. Нужно лишь ежедневно наносить лекарство.

Ань Чанцин сердито посмотрел на него:

— А где лекарство? Ты только что собирался обработать рану?

Сяо Чжигэ нерешительно хмыкнул и достал из-за изголовья кровати пузырек снадобья:

— Только собрался нанести, как ты вошел.

Забрав флакон, Ань Чанцин распахнул его одежду немного шире, глубоко вздохнул и тихо произнес:

— Не шевелись, я сам нанесу лекарство.

Он аккуратно высыпал целебный порошок на разорванную плоть. Сяо Чжигэ не издал ни звука, но на его шее вздулись синеватые жилы. Ань Чанцин старался обработать рану как можно быстрее, слегка подул на нее и лишь затем туго обмотал поврежденное место бинтами.

Примечание автора:

Военачальники: Насколько же красива ванфэй? (подглядывают из-за двери)

Сунсун: А вам-то какое дело? Брысь отсюда, брысь!

Я вас не обманывала, они правда встретились!

Когда рана была перевязана, а одежда снова приведена в порядок, Сяо Чжигэ выглядел так, будто ничего не произошло. Если бы Ань Чанцин только что не видел собственными глазами, как у того от боли вздувались жилы на шее, разве смог бы кто-то догадаться, что этот человек ранен?

Ань Чанцин смотрел на него со смесью сострадания и гнева:

— Почему тебя, главного военачальника, отправляют на поле боя с такой тяжелой раной?

Сяо Чжигэ с улыбкой взъерошил его волосы:

— На поле боя у клинков и копий нет глаз, у кого из нас нет ран? Пока ноги-руки целы и человек способен подняться, это не считается тяжелым ранением.

Заметив его тревогу, Сяо Чжигэ добавил:

— Ты бы видел Хуянь Сюня, бэйдийского вождя. Я отрубил ему руку, но, чтобы поднять боевой дух войска, ему все равно пришлось идти в бой одноруким. На днях я как раз сражался с ним. Жаль, не удалось принести его голову, а не то на городских воротах висел бы еще один фонарь.

Ань Чанцин опешил и переспросил в замешательстве:

— Вешать фонарь?

Сяо Чжигэ ненадолго задумался и, боясь испугать его, объяснил помягче:

— Бэйдийцы совершают набеги из года в год, так что воины и жители Яньчжоу враждуют с ними не на жизнь, а на смерть. Чтобы поднять дух войска и дать народу выместить гнев, каждую отрубленную голову бэйдийского военачальника вывешивают на городских воротах.

За эти годы у городских ворот побывало не меньше сотни голов бэйдийских военачальников. Каждый раз, когда военные действия затихали, эти головы снимали и вместе с телами пленных бэйдийских солдат складывали за городом в курган из черепов. Это делалось для того, чтобы устроить Бэйди и увековечить подвиги воинов Яньчжоу. С каждым годом эти груды росли, и теперь за стенами города возвышалось бесчисленное множество курганов из черепов высотой в две-три сажени.

Ань Чанцин слушал в ошеломлении. В прошлой жизни он никогда не покидал Ецзин и о том, насколько жестока война на границе, знал лишь по слухам. Теперь же, слыша спокойно-будничным тоном Сяо Чжигэ, он впервые смутно соприкоснулся с настоящей и беспощадной реальностью войны.

Противостояние двух армий — это битва не на жизнь, а на смерть.

Чтобы устроить свирепых бэйдийцев, нужно быть еще более свирепым и жестоким, только тогда они станут с тобой считаться. Ань Чанцин вспомнил слухи, которые когда-то слышал в Ецзине. Ученые мужи из столицы вечно осуждали Сяо Чжигэ, заявляя, будто заживо похоронить десятки тысяч бэйдийских пленников — это проявление чрезмерной жестокости, а

возвышающиеся у ворот курганы из черепов служат доказательством его кровожадности. Однако если бы эти люди пожили на границе в Яньчжоу пару лет, они, пожалуй, возненавидели бы бэйдийцев куда сильнее, чем Сяо Чжигэ.

— А если люди Да Е попадают в руки бэйдийцев? — спросил Ань Чанцин.

— Бэйдийцы обходятся с людьми куда жесточе, чем мы.

Взгляд Сяо Чжигэ заledenел, он взял руку Ань Чанцина в свою и стал перебирать его пальцы:

— Рабов из Да Е они называют «человеческим скотом». Их сгоняют вместе и держат, как скотину: мужчины работают день и ночь без отдыха, а женщины служат развлечением для солдат. Если же не хватает провизии, их забивают на мясо...

Он со вздохом посмотрел на Ань Чанцина:

— Именно поэтому я и не хотел, чтобы ты приезжал в Яньчжоу.

Яньчжоу находится на самой границе: весной и летом здесь бушуют песчаные бури, а осенью и зимой тянутся бесконечные лютые морозы. К тому же приходится постоянно отражать набеги Бэйди. Местным жителям некогда и думать о спокойной жизни — каждый из них в любой момент готов вступить в смертельную схватку с бэйдийцами. Это не тот мир, который он хотел бы показать Ань Чанцину.

Однако Ань Чанцин лишь слегка поджал губы и покачал головой:

— Я не боюсь.

— Возможно, поначалу будет непривычно, но я постараюсь адаптироваться, — Ань Чанцин приподнял лицо и пробормотал: — К тому же я вовсе не избалованный барчук.

В глазах Сяо Чжигэ разлилась нежность. Ощутив его ладонь, ставшую гораздо более сухой и шершавой, он произнес низким голосом:

— Но мне больно смотреть, как ты терпишь лишения.

Слова мужчины звучали искренне и серьезно, а нежность в его взгляде таяла, точно снег. Ань Чанцин встретился с ним взглядом и тут же отвел глаза, про себя недоумевая: «Не виделись больше месяца — и с чего это он вдруг научился говорить такие ласковые слова?»

Тихонько переведя взгляд обратно, Ань Чанцин кашлянул и с чуть покрасневшими кончиками ушей проговорил:

— Главное, что сам я не считаю это страданиями.

Сказав это, он снова бросил на него быстрый взгляд и пробормотал:

— Теперь-то я понимаю, откуда берутся те жуткие сплетни в Ецзине. Этим людям легко рассуждать со стороны, не зная нужды.

Уловив возмущение в его голосе, Сяо Чжигэ улыбнулся и потянул его за собой, заставляя подняться:

— Не обращай внимания на то, что говорят чужаки. Пойдем лучше поедим.

Сяо Чжигэ отказался от обеда со своими подчиненными и позвал в поместье генерала повара из военного лагеря, чтобы тот сварил для Ань Чанцина мясную кашу и приготовил несколько простых закусок.

Повара прислали из военного лагеря, он привык готовить в огромном котле на весь отряд, поэтому встряпне изысканных блюд был не силен. К счастью, еда оказалась простой: пусть и не шедевр кулинарии, но вполне съедобная. К тому же за время разговоров Ань Чанцин успел проголодаться, так что с удовольствием осушил целую пиалу каши.

Оставшуюся кашу и закуски доел Сяо Чжигэ.

Когда они закончили с трапезой, на улице еще не стемнело. Шел четвертый месяц, и хотя погода еще не успела смениться теплом, темнело уже значительно позже. Поразмыслив, Сяо Чжигэ решил прогуляться с ним по улице и купить кое-какие вещи.

На улице в этот час было довольнолюдно. Множество горожан стояли в длинной очереди с мешками в руках.

— Что они делают?

— Стоят в очереди за рисом и зерном, — объяснил Сяо Чжигэ. — Раньше, когда у нас не хватало провизии, жители сами отдавали в лагерь последние запасы зерна, мяса и молока, чтобы у солдат были силы воевать. Провизии тогда действительно не было, но бережно брать у них все даром мы не могли, поэтому велели обойти каждый дом и всё записать, чтобы вернуть при первой же возможности.

Сейчас провианта все еще не в избытке, однако на пропитание хватает. Нельзя ведь позволить людям дальше питаться корешками да корой деревьев, поэтому из армейских запасов выделили часть продовольствия, чтобы у горожан тоже было что поесть.

Ань Чанцин смотрел на улыбки, сияющие на лицах этих людей, и сам проникся их настроением, улыбнувшись в ответ:

— Похоже, война их не сломила.

— Угу, они ко всему привыкли. Пока город не пал, жизнь продолжается.

Жители приграничья подобны дикой траве, упрямо прорастающей сквозь ветры и пески: в них таится невероятная стойкость. Пока жив корень, они неизменно будут тянуться вверх.

Проведя здесь всего один день, Ань Чанцин уже почувствовал, что этот край начинает ему нравиться. Он с любопытством оглядывался по сторонам. Помимо горожан, стоявших за рисом, на улице ютились торговцы с лавками, предлагавшие всякие невиданные диковины. Сяо Чжигэ подвел его к одному из лотков, на котором были разложены перламутровые раковины.

Сяо Чжигэ осмотрел парочку раковин и спросил у торговца:

— Есть ли у тебя что-нибудь еще?